

евгений пронин

**Зигзаги
Судьбы.
Синий туман
Улыбы**

евгений пронин

**Зигзаги Судьбы.
Синий туман Ульбы**

«Автор»

2026

пронин е.

Зигзаги Судьбы. Синий туман Ульбы / е. пронин — «Автор»,
2026

Эта книга посвящается им. Тем, кто принял присягу мертвой стране, но продолжил служить живой земле, на которой родились их дети. Службе заставы на краю пропасти. Комитету государственной безопасности Советского Союза, которого хватило ровно настолько, чтобы ядерное наследство не разлетелось по миру в багажниках подержанных иномарок.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	17

евгений пронин

Зигзаги Судьбы. Синий туман Ульбы

Глава 1

Серия: «Зигзаги судьбы»

Книга первая: «Синий туман Ульбы»

Предисловие.

Я пишу это в марте две тысячи двадцать шестого.

Мне сейчас шестьдесят два года. Но внутри я так и остался старлеем Громовым, который пришел на службу КГБ СССР, с проходной завода.

В Усть-Каменогорске его называли просто, «Почтовый». Официально, Ульбинский металлургический завод. Для нас, местных пацанов из 60-х, он был черной дырой на карте города. Отцы уходили туда через отдельную проходную и становились невидимками. Дома нельзя было говорить, чем они занимаются.

Я пошел дальше, закончил политех по специальности «автоматизация производств», отработал три года мастером в цехе.

На дворе стоял девяностый год. Империя уже трещала по швам, как старый рубероид на крыше нашей пятиэтажки. В магазинах закончилось всё, кроме морской капусты и уксуса. На улицах мужики торговали краденными гаечными ключами. А я сидел дома, смотрел на диплом инженера и понимал, что моя специальность никому не нужна. Заводы переходили на бартер. Зарплату выдавали чем угодно, но только не деньгами. Да и ту с задержками в несколько месяцев. Жена смотрела на меня так, что хотелось выйти в подъезд и не возвращаться.

И тут ко мне пришли. Не ночью, не в плащах. Просто, возле хлебного. Представились.

— Подполковник Зимин. Алексей, хватит гайки крутить. Родине нужны мозги. Настоящие. Пойдешь в Контору?

Какую именно «Контору», он уточнять не стал. Да нам и не надо было. КГБ СССР тогда еще дышал, хотя из Москвы уже тянуло мертвечиной. Через месяц я примерял форму старшего лейтенанта. Погоны легли на плечи тяжело.

Мой послужной список уместился бы на спичечном коробке. Старший лейтенант, оперуполномоченный шестого отдела УКГБ по Восточно-Казахстанской области. Специализация, режимные объекты. Меня не учили ловить шпионов с подкладными фотоаппаратами. Моим полем боя, стали склады готовой продукции, журналы учета делящихся материалов и перепуганные кладовщики.

Гражданка научила меня главному: люди воруют не от злодейства, а от безысходности. Директор института хочет купить жене сапоги. Начальник цеха хочет отправить сына учиться в Москву. Они выносили тантал и бериллий не потому, что хотели продать секреты ЦРУ. Они хотели выжить в том рухнувшем мире. Моя работа заключалась в том, чтобы бить им по рукам, пока они не схватились за уран.

А потом Союза не стало. Это случилось не восьмого декабря в Беловежской пуще. Для меня Союз умер в сентябре девяностого, когда рванул бериллиевый цех. Помню эту пыль. Она стояла над городом желтоватым смогом неделю. Городские власти молчали, как рыбы. Тогда я впервые понял: государства больше нет. Есть мы, которые стоят посреди хаоса, и есть заводы, которые продолжают фонить.

Нам сказали: оставайтесь на местах. Какая разница, какой флаг висит над городом, если на складе номер четыре лежат шестьсот килограммов высокообогащенного урана оружейного качества? Хватило бы на пару десятков Хиросим.

Так я плавно перетек из КГБ СССР в КНБ РК.

Никакой романтики плаща и кинжала. Грязный снег Усть-Каменогорска, пустые желудки, стук вагонных колес, на которых вывозят цветной лом в Китай, и постоянное чувство, что ты стоишь спиной к открытой двери ядерного реактора.

Сейчас, перелистывая старые записи перед тем, как начать писать эту книгу, я смотрю на карту Google. Вот Стрелка, вот Ульба впадает в Иртыш. Город красивый, чистый, огней много. Говорят, воздух стал чище, потому что заводы встали в девяностых. Чище-то оно чище, да только легкие у всех черные.

Мы, офицеры того призыва, кто выжил, не спился и не ушел в бандиты, мы все носим в себе дозу. Нет, не ту, радиационную. Хотя счетчик Гейгера на некоторых участках старой промзоны до сих пор захлебывается. Мы носим дозу исторического похмелья. Мы видели, как исчезает целая цивилизация, и остались стоять на ее руинах с табельным стволом.

Эта книга посвящается им. Тем, кто принял присягу мертвой стране, но продолжил служить живой земле, на которой родились их дети. Службе заставы на краю пропасти. Комитету государственной безопасности Советского Союза, которого хватило ровно настолько, чтобы ядерное наследство не разлетелось по миру в багажниках подержанных иномарок.

Уран вывезли американцы в девяносто четвертом. Проект «Сапфир». Приехали на больших самолетах, упаковали в свои контейнеры и увезли в Делавэр. Только никто не спросил, сколько маленьких цилиндров испарилось со складов до их прилета и после. Сколько ушло налево. Об этом знает только синий туман Ульбы. И я.

Глава 2

Глава первая. Встреча

Май 1990 года. Усть-Каменогорск.

Я вышел из подъезда панельной пятиэтажки с единственной целью: дойти до магазина, убедиться, что там пусто, и выместить злобу хотя бы на дверной ручке. На заводе снова задержали зарплату. Очередь за молоком напоминала похоронную процессию, такие же серые лица и глухое молчание. Я взял пачку чая «со слоником» по талону, банку кильки и половинку хлеба. Кассирша швырнула мелочь в блюдце так, будто это я виноват в том, что Империя трещит по швам.

На улице я закурил. Дым сизой струйкой уходил вверх, но растворялся, не долетая до неба, желтая пелена смога от «Почтового» висела над городом плотной крышей. Мы делали металл для ядерных реакторов, а наши жены стояли в очередях за маргарином. Это был такой особый сорт советского сюрреализма.

— Алексей Сергеевич?

Голос прозвучал прямо за спиной. Тихий, без нажима.

Я обернулся медленно. Под козырьком почты стоял мужик. Лет пятидесяти, одетый в импортный плащ цвета мокрого асфальта. Не кожаный, как у рэкетилов, и не болоньевый, как у работяг. Под плащом виднелся воротник дорогой рубашки и узел идеального галстука. Вокруг люди в китайских шмотках и кедах «Два мяча», а этот выглядит так, словно вышел из машины времени или из обкома партии. Но самое главное, глаза. Блеклые, прозрачные, лишенные всяких эмоций. Взгляд хирурга или палача.

— Громов? — уточнил он.

Откуда знает фамилию? И имя? От этого взгляда захотелось сплюнуть.

— Допустим. С кем имею честь?

Он чуть склонил голову. Плащ распахнулся. Никакого оружия, никаких раций. Только кожаная папка в руке.

— Зимин. Александр Александрович. Комитет государственной безопасности. Подполковник.

У меня внутри всё оборвалось. КГБ. Не милиция, которая гоняет алкашей, а эти. Что они могут хотеть от мастера участка? Политика? У нас тут диссидентов отродясь не водилось, одни металлисты да сварщики. Или... завод? Склады?

— Это ошибка, товарищ подполковник, — слова давались тяжело. — Если вопросы по технике безопасности, идите к начальнику цеха. Он вам расскажет.

Зимин едва заметно усмехнулся одними губами. Сухо, неприятно.

— Техника безопасности, понятие растяжимое, Алексей Сергеевич. Особенно когда речь идет о хранении материалов особой важности.

Он достал удостоверение. Красное, коленкоровое. Никаких театральных жестов, просто раскрыл и подержал секунду перед моими глазами. Фотография его, печать настоящая. Подполковник Зимин А.А., УКГБ по Восточно-Казахстанской области.

— Госбезопасность сейчас бежит за спекулянтами джинсами? — спросил я, стараясь звучать наглее, чем чувствовал себя. — Страну спасаете? Пока она совсем не рухнула?

Зимин убрал корочку во внутренний карман плаща движением человека, делающего рутинную работу.

— Страну спасают те, кто понимает физику процесса. Вы ведь инженер. Вы понимаете, почему нельзя дышать пылью из-под короба газоочистки? Нам нужен человек, который знает завод изнутри, — продолжил Зимин тише. — Человек, который отличит технологическую утечку от кражи. Который видит геометрию склада лучше кладовщика.

Он сделал паузу, давая мне осознать масштаб:

— Штат укомплектован. Звезд с неба хватать не нужно. Просто охранять то, что должно лежать на месте. Зарплата стабильная. Советскими рублями, наличными. Каждое пятнадцатое число. Плюс продовольственный паек. Без талонов.

Стабильная зарплата. Эти два слова прозвучали громче сирены гражданской обороны. Пока мой родной цех выдавал расчет мотками проволоки-катанки, эти люди предлагали конвертируемую стабильность. Для семьи. Для детей.

— Почему я? — прохрипел я. — У меня допуск второй формы. Я никто.

— Потому что Вы нам подходите, — Зимин впервые посмотрел мне прямо в глаза. В них не было ни тепла, ни угрозы. Просто констатация факта. — Партийный билет при себе?

— При мне, — кивнул я.

— Вот и славно. Коммунист должен понимать долг правильно. Без соплей.

Он достал из кармана блокнот, вырвал листок. Обычный листок в клетку, написанный хорошей перьевой ручкой. Ни визиток, ни печатей.

— Жду Вас сегодня вечером здесь же. Девятнадцать ноль-ноль. Черная «Волга», третья модель. Поедем разговаривать серьезно. Форма одежды, гражданская. Галстук оставь дома, будешь выглядеть как идиот. И подумайте о семье, Алексей. Им тоже нужна уверенность в завтрашнем дне.

Подполковник Зимин развернулся и пошел вверх по проспекту, смешавшись с толпой. Ни оглядываясь, ни прощаясь. Словно его здесь и не было. Растворился в советском бетоне.

Я докурил сигарету, обжигая пальцы. Желтый смог вдруг показался мне не просто дымом заводов, а саваном. Империя гнила заживо, разваливалась на куски, смердила дефицитом. А меня покупали. Покупали за колбасу, за стабильный оклад и за возможность смотреть свысока на тех, кто роется в мусорных баках.

Я смял окурок пальцами и бросил его в урну. Домой идти не хотелось. Там жена будет пилить за отсутствие денег, а сын просить новые кеды.

Дверь подъезда хлопнула за спиной с глухим, безнадежным звуком. Я прошел мимо почтовых ящиков, на которых еще сохранились надписи: «Слава КПСС!», и поднялся на третий этаж. Лампочка на площадке моргала, как умирающая муха.

— Алеша? — Елена вышла из кухни. Она вытирала руки полотенцем. На ней был старый халат, волосы собраны в пучок. Усталая, но спокойная. Молодая женщина, которая умеет ждать.

Я бросил пакет с продуктами на тумбочку в прихожей. Чай звякнул о банку кильки.

— Задержали зарплату, — буркнул я, проходя мимо нее в комнату. Скинул ботинки, стараясь не задеть скрипучую половицу. Привычка. Не шуметь. Даже дома.

Елена вошла следом, остановилась в дверях. Ее взгляд скользнул по моему лицу, задержался на сжатых кулаках. Она знала этот язык тела лучше любого протокола допроса.

— Опять?

— Ага, — я достал сигареты, закурил прямо в комнате. Раньше она бы сделала замечание, но сейчас просто вздохнула. Мы оба знали: это новая реальность.

Я сел на диван, откинулся на спинку. Комната казалась тесной. Окна выходили во двор, где дети гоняли мяч, а старушки обсуждали цены на рынке. Обычная жизнь обычного города Усть-Каменогорска. За бетонными стенами этого мира лежало то, что мы называли «Почтовый». То, ради чего меня только что пытались купить.

— Что случилось? — тихо спросила Лена. Она присела рядом, положила руку мне на плечо. Теплая, родная рука. Единственная константа в этом мире распада.

Я затаился, выпустил дым в потолок.

— Подходили ко мне. Около магазина.

Она ждала. Ей не нужно было знать детали. Но я должен был выговориться. Иначе эта тишина взорвется внутри.

— Человек. Представился... Зимин. Александр Александрович. Из КГБ.

Рука Елены на моем плече напряглась. Она знала, что значит это слово. Для нас, для детей СССР, КГБ было синонимом власти. Страшной, непонятной, но абсолютной.

— И что он хотел? — ее голос оставался ровным.

— Предлагал работу.

Лена убрала руку. Встала, подошла к окну. Двор внизу жил своей жизнью.

— Какую работу, Алеша? — она обернулась. В глазах мелькнула тревога. — Ты же инженер...

— Охранять, Лен. Просто охранять. Чтобы ничего не пропало со склада №4.

Она смотрела на меня так, будто видела впервые. Словно перед ней сидел незнакомец в форме мужа.

— Пропасть может многое, Алексей. Деньги, например. Или твоя душа.

— Мне нужны деньги, Лена. Нам всем они нужны.

— Я могу пойти работать в две смены. Мише нужен отец, а не призрак, который приходит домой, чтобы переночевать.

Призрак. Хорошее слово. Именно им я себя и чувствовал. Призраком человека, которым когда-то был.

— Это другое, — я встал, подошел к ней. — Это не спекуляция джинсами. Это... безопасность. Понимаешь? Если кто-то украдет уран, накроет весь город. Всех. Детей, которые играют во дворе. Твою поликлинику. Мою бригаду.

— Почему ты? Почему именно тебя нашли в магазине?

Хороший вопрос. Правильный.

— Потому что, я им подхожу, — сказал я, повторяя слова Зимины. — Он так и сказал.

В коридоре послышались шаги. Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул наш сын Миша. Семилетний мальчишка, копия матери, только глаза отцовские — серьезные, внимательные.

— Пап, можно я возьму твою отвертку? Там колесо от машинки отвалилось.

— Бери, — кивнул я. — Только аккуратно.

Миша убежал. Через секунду из ванной донесся шум воды, там купалась маленькая Аня. Мы остались вдвоем. Тишина стала густой, осязаемой.

— Они предложили стабильную зарплату, Лен. Каждое пятнадцатое число. Без талонов.

Она молчала. Ждала главного.

— И паяк. Продовольственный.

Наконец, она посмотрела мне прямо в глаза.

— Ты пойдешь?

Я выдохнул дым в форточку.

— Пойду.

Лена закрыла лицо руками. Плечи дрогнули. Я обнял ее, уткнувшись носом в макушку. От нее пахло домом. Безопасностью. Тем, что я собирался променять на форму и погоны.

— Я буду приходить вовремя, — прошептал я ей на ухо. — Буду чинить колеса машинкам. Читать сказки на ночь. Обещаю. Она кивнула, не отрывая лица от моего плеча.

Глава 3

Глава вторая. Черная «Волга»

Вечер выдался сырым и холодным, не по-майски. С Иртыша тянуло ледяным ветром, который пробирал до костей даже сквозь плотную ткань плаща.

Елена ничего не сказала на прощание. Просто посмотрела мне в глаза долгим взглядом, поправила воротник рубашки и закрыла дверь. Этот взгляд я унес с собой, он был тяжелее любого бронежилета.

Кинотеатр «Юбилейный» гудел от очереди за билетами на какой-то фильм. Люди искали спасения от реальности в сказках. У меня такой роскоши не было.

Я встал под козырек остановки, закурил. Сердце стучало где-то в горле. Не от страха перед КГБ, мы жили в таком режиме секретности на заводе, что сам черт ногу сломит. Это была тревога перехода черты. Рубикон. До этого момента я создавал металл. Теперь мне предстояло его охранять.

Черная «Волга» третьей модели вывернула из-за угла бесшумно. Она двигалась плавно, как акула в воде. Номера действительно были военные, черные цифры на белом фоне. Машина остановилась точно напротив меня, дверца распахнулась сама, словно приглашая внутрь.

— Садись вперед, Алексей Сергеевич, — голос Зимина прозвучал сзади, со стороны пассажирского сиденья. Он сидел там один. Водитель остался невидимым призраком за тонированным стеклом перегородки. — Не против, что, на ты?

— Нет, — согласился я.

Салон пах кожей, хорошим табаком и одеколоном «Шипр». Никакого казенного духа военкомата или милиции. Здесь пахло властью. Настоящей, тихой, которая решает вопросы одним звонком.

Зимин протянул мне пачку «Мальборо».

— Кури. Свою дрянь можешь выбросить.

Я взял сигарету. Американская. Мягкий вкус после нашей «Примы» показался чем-то нереальным.

— Куда едем? — спросил я, чтобы хоть что-то сказать.

— В горы. Там воздух чище. И уши лишние отсутствуют.

Водитель тронул машину так мягко, что я едва почувствовал движение. Мы проехали мимо моего завода. Желтые свинцовые контейнеры во дворе отсвечивали в лучах заходящего солнца. Мой дом. Моя клетка. Сейчас я уезжал оттуда добровольно.

«Волга» пошла вверх по серпантину дороги, ведущей за Согру. Город проваливался вниз, тонул в желтом смоге. Отсюда, с высоты, Усть-Каменогорск выглядел почти красивым. Как макет. Но я знал: внутри этой декорации люди режут друг друга за кусок колбасы.

Машина свернула на неприметную грунтовку, уходящую в сосновый бор. Через пару километров мы оказались на поляне, окруженной старыми елями. Место идеальное для того, чтобы исчезнуть навсегда. Ни свидетелей, ни шума трассы.

Зимин выбрался из машины первым. Потянулся, разминая затекшую спину. На нем был дорогой твидовый пиджак, но брюки уже покрылись серой дорожной пылью. Ему было плевать на внешний вид.

— Пройдемся, — кивнул он в сторону тропинки.

Мы пошли молча. Под ногами хрустели сухие ветки. Воздух здесь действительно был другим, хвойным, пьянящим, лишенным металлического привкуса города.

— Твоя жена плакала сегодня, — сказал Зимин внезапно. Он шел чуть впереди, засунув руки в карманы брюк. Голос звучал безразлично, констатировал факт. У меня похолодело в груди.

— Вы следили?

— Нет. Достаточно посмотреть на тебя. Ты надел чистую рубашку, но забыл побрить шею. Руки дрожат. А запах валерьянки въедается намертво. Елена Павловна приняла успокоительное. Значит, разговор был тяжелым.

Он остановился, повернулся ко мне. Заход солнца бил ему в спину, оставляя лицо в тени.

— Запомни первое правило, Громов. Мы знаем всё. О тебе, о твоих родителях, о том, что твой сын Миша вчера разбил окно в школе камнем. Мы знаем это не потому, что подглядываем в замочную скважину. Мы просто умеем смотреть. Если ты хочешь работать с нами, твоя семья должна быть стерильной. Никаких любовниц, никаких долгов в ломбардах, никаких пьяных драк на танцах. Любой рычаг давления на опера, это дырка в безопасности государства. Понял?

— Так точно, — вырвалось у меня автоматически.

— Брось, — поморщился он. — Оставь устав для парадов. Меня зовут Александр Александрович. Или Саныч. Для своих.

— Понял... Саныч.

— Почему именно ты, спрашиваешь себя? — он достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги. Развернул. Это была копия моей характеристики из отдела кадров УМЗ. «Громов Алексей Сергеевич. Мастер участка. Характеризуется положительно. Принципиален. Склонен к самостоятельному анализу ситуации. Недостаток: излишняя прямолинейность в общении с руководством».

Зимин усмехнулся.

— Прямолинейность. Знаешь, почему мы выбрали тебя среди сотен инженеров? Потому что остальные смотрят в чертежи и молятся на план Госснаба. А ты смотришь на людей. Ты понимаешь, как работает этот зверинец.

Он подошел вплотную. Ростом он оказался выше меня. Заглянул прямо в зрачки.

— Работа грязная, Лёша. Очень грязная. Тебе придется на многое закрывать глаза, чтобы поймать того, кто несет грамм урана. Придется пить водку с людьми, которых хочется пристрелить. Придется писать ложь в рапортах ради высшей правды. Готов?

Я смотрел на него и понимал: пути назад нет. За спиной осталась квартира с запахом борща и испуганные глаза жены. Впереди, только желтый дым заводов и тяжелый свинец ответственности. Где-то там, за бетонным забором «Почтового», лежали шестьсот килограммов смерти. И они были защищены лишь честным словом прапорщика-алкоголика и моими инженерными расчетами. Зимин знал, куда бить.

— Готов, — ответил я.

— Хорошо, — Зимин кивнул, будто иного ответа и не ждал. — Тогда слушай вводную. Завтра утром идешь в управление. Пропуск заказан.

Он сделал паузу, словно взвешивая следующие слова. Мы как раз проезжали мимо старого парка, где под фонарями собирались подростки с гитарами. Другая жизнь, которой у меня больше не будет.

— На КПП спросишь Зимина, — закончил он, глядя прямо перед собой на дорогу.

Я смотрел на его профиль. Челюсти сжаты, взгляд устремлен вдаль. В этот момент я окончательно понял: обратного пути нет. Я переступил черту там, около магазина. А сейчас Зимин просто захлопнул за мной невидимую дверь.

Машина мягко притормозила возле моего подъезда. Фары выхватили из темноты обшарпанные стены и покосившуюся скамейку.

— До завтра, Алексей Сергеевич, — Зимин повернулся ко мне впервые за всю поездку. Его глаза снова стали пустыми, лишенными эмоций. — И приведи себя в порядок. Руководство терпеть не может мятых рубашек.

Дверца открылась. Прохладный вечерний воздух ударил в лицо, отрезвляя. Я выбрался на асфальт, пахнувший пылью и мокрой землей.

«Волга» бесшумно тронулась с места, мигнула поворотником и растворилась в желтом смоге городских огней.

Утром в здании УКГБ по Восточно-Казахстанской области, я сидел в коридоре второго этажа уже минут двадцать. Мимо сновали люди кто в форме, от лейтенантов до полковников, кто в гражданке. Они скользили по мне взглядами, полными безразличия. Для них я был пустым местом: гражданский костюм, отсутствие выправки. Просто очередной проситель.

Наконец, показался Зимин. Он шел так же уверенно, как вчера вечером, только вместо плаща на нем была идеально скроенная форма подполковника КГБ. На погонах тускло поблескивали звезды. Рядом с ним шагал капитан. Старый опер выглядел помятым, словно спал в одежде. Его глаза смотрели мимо меня, куда-то в стену.

— Громов, — позвал Зимин, останавливаясь в двух шагах. Голос звучал ровно, но в нем появилась новая, официальная интонация. Той дружеской беседы больше не существовало. — Поднимайся. Начальник управления ждет.

Мы пошли по коридору. Звуки наших шагов тонули в ворсистой дорожке. Я чувствовал себя экспонатом в музее. За матовыми стеклами кабинетов стучали пишущие машинки «Эрика», кто-то кричал в трубку телефона, требуя отчет к обеду. Обычная жизнь огромной машины.

Кабинет начальника управления находился в самом центре коридора. Двухстворчатая дверь из темного дерева. Табличка гласила: «Генерал-майор Тургумбаев А.К.». Зимин постучал костяшками пальцев по косяку. Дождавшись глухого «Войдите!», он распахнул дверь.

В кабинете было сумрачно. Плотные шторы были задернуты, скрывая панораму города. Воздух казался спертый, пропитанным запахом дорогого табака и кожаных папок. У окна стоял массивный стол красного дерева. За ним сидел человек в генеральском кителе. Седой, с тяжелым лицом и пронзительными глазами, которые, казалось, видели тебя насквозь еще до того, как ты вошел.

— Товарищ генерал, разрешите? — спросил Зимин, входя первым.

— Входи, Александр Александрович, — голос генерала был низким, прокуренным. Он даже не посмотрел в нашу сторону, продолжая изучать какие-то бумаги на столе.

Зимин подтолкнул меня вперед.

— По вашему приказанию прибыл старший лейтенант Громов Алексей Сергеевич.

Генерал медленно поднял голову. Взгляд тяжелый, давящий. Так смотрят на деталь, которую нужно проверить под микроскопом перед тем, как отправить в печь.

— Громов... — протянул он, вставая. Он обошел стол, оказавшись рядом. Ростом он был ниже меня, но казался огромным. От него веяло властью и физической силой.

— Наслышан о тебе. Инженер, мастер участка. Характеристика положительная. Принципиальный. Это хорошо. Нам нужны такие. Он сделал паузу, разглядывая мое лицо.

— Но принципиальность бывает разной. Бывает вредной. Ты понимаешь, о чем я?

— Так точно, товарищ генерал-майор, — выдавил я.

— Вот и славно, — он кивнул, удовлетворенный ответом. — Ситуация на объекте сложная. Завод работает на пределе. Экономика трещит по швам. Люди злые. И среди этого хаоса мы должны обеспечить сохранность стратегического сырья. Любая утечка, это удар по безопасности всей страны. Понял свою задачу?

— Понял, товарищ генерал.

— Хорошо. Теперь слушай вводную. Александр Александрович введет тебя в курс дела. После этого оформляешься в кадры. Вопросы есть?

— Никак нет, товарищ генерал-майор.

— Свободны.

Мы вышли. В коридоре Зимин остановился.

— Ну что, Громов, поздравляю. Ты прошел первый фильтр. Генерал любит проверять людей лично. Не испугался, не начал юлить. Это плюс.

— Куда теперь? — спросил я.

— К капитану Жукову. Он твой наставник. Делаешь всё, что скажет. Даже если прикажет прыгнуть с моста, прыгаешь. Потом в кадры. Получишь форму, удостоверение. Станешь частью системы.

Кабинет Жукова был полной противоположностью генеральскому. Маленький, тесный, заваленный бумагами. Окна выходили на берег протоки и Иртыша.

Жуков сел за свой стол, заваленный папками с литерами.

— Садись, стажер, — буркнул он, не поднимая глаз. — Значит, решил поиграть в чекиста?

— Выбора особо не было, — пожал я плечами.

— Выбор есть всегда, — отрезал он. — Просто цена разная. Ладно. Времени мало. Сейчас идем к начальнику отдела кадров. Оформим допуск первой категории. Без него ты даже сортир посетить не сможешь, не то что склад ВОУ. После этого будешь моим личным адъютантом. Постигать азы оперативной работы. Учиться писать рапорты, ходить на планерки, слушать сплетни в столовой. Глазами смотришь, ушами слушаешь. Руки держишь при себе. Ясно?

— Так точно.

— То, что сказал Зимин про медь и уран, запомни накрепко. Наша задача, не ловить мелких жуликов. Наша задача, следить, чтобы ядерное топливо не уплыло в Пакистан или Иран. Или просто не исчезло в подвале какого-нибудь особняка в Алма-Ате. Мир изменился, Лёша. Раньше мы воевали с империализмом. Теперь империализм покупает наши секреты оптом. А мы пытаемся удержать периметр голыми руками. Он наконец поднял на меня свои красные, воспаленные глаза.

— Готов к этому?

— Готов, — повторил я.

Капитан сбросил пиджак на спинку стула, оставшись в застиранной рубашке с закатанными рукавами. Предплечья у него были жилистые, заросшие темным волосом. Он подошел к сейфу в углу — массивному, крашенному в шаровый корабельный цвет ящику с двумя сувальдными замками, — провернул тяжелый ключ и вынул толстую картонную папку. На завязках висели обрывки сургуча, на титульном листе чернилами по трафарету было выведено: «УМЗ. Цех гидрометаллургии. Складской учет. Тетрадь № 12».

Жуков швырнул папку на край стола прямо передо мной. Бумаги тяжело глухо хлопнули о дерево:

— Садись, инженер, — сказал он, доставая из кармана пачку «Астры». — Покажи свою хваленую заводскую выучку. В этих рапортах зарыта одна ошибка. Найди ее.

— Какого рода ошибка? — спросил я, присаживаясь на скрипнувший стул. — Арифметическая? Подделка подписи?

— Если бы я знал, какого она рода, я бы не держал эту макулатуру под замком второй месяц, — капитан чиркнул спичкой, прикурил и выпустил едкую струю дыма в потолок. — Смотри в цифры. Ты этот цех знаешь лучше меня. Вот и гляди, как там сводят концы с концами.

Я развязал серые матерчатые тесемки. Внутри лежали стандартные типографские бланки суточных рапортов по форме М-11, сшитые суровой дратвой, накладные на внутризаводское перемещение материалов и акты списания технологических потерь. Все это было заполнено фиолетовыми чернилами, местами шариковой ручкой, с синими треугольными штампами планово-экономического отдела и подписями сменных мастеров.

Я достал из нагрудного кармана свой механический карандаш «Кулон», оторвал чистый лист из блокнота и принялся за работу.

Я начал сводить приход и расход по складам, двигаясь от первой декады февраля к концу апреля. Цифры сходились с пугающей гладкостью. Сколько тонн влажного кека зашло в переработку — ровно столько порошка, с учетом нормативных потерь, легло в контейнеры. Итоговые балансовые ведомости были вылизаны до сотых долей грамма. Ни единого исправления лезвием, никаких зачеркиваний, ни одной пустой строки, в которую можно было бы вписать приписку задним числом. Документы выглядели образцово, словно их готовили не замотанные сменные мастера в респираторах «Лепесток», а выпускники финансового института для выставки достижений народного хозяйства.

Но на настоящем производстве так не бывает.

Я отложил карандаш, потер уставшие веки и перелистал накладные за три месяца еще раз, раскладывая листы веером прямо на полированном столе. Металлургия — это всегда флуктуация. На влажность сырья влияет погода за окном цеха, на прокаливание — скачки напряжения в заводской электросети, на угар — износ футеровки печей. В одной смене технологические потери должны были составлять ноль целых три десятых процента, в другой, когда забивались рукавные фильтры газоочистки, — доходить до предельных ноль целых восьми десятых. График нормального распределения Гаусса невозможно обмануть: он всегда дает колокол, всегда дает разброс вокруг средней линии.

Здесь же разброса не было.

Строки списания на естественную убыль шли с монотонностью метронома. В каждой смене, независимо от того, работали ли печи на полную мощность или стояли на профилактической продувке, списывалось ровно ноль целых сорок пять сотых процента. Каждый вторник и каждый четверг. Вес потерь был разбит на равные, математически выверенные порции, словно его отмеряли не лопатой и шнеком, а аптекарскими весами с разновесами.

Это не было случайностью. Не было и небрежностью писаря. Кто-то искусственно срезал верхушки реальных потерь и натягивал списания там, где печи стояли, создавая непрерывный, гладкий ручеек уходящего в никуда сырья. За три месяца этот ручеек складывался в десятки килограммов чистейшего концентрата, растворенного в фальшивой отчетности.

Я аккуратно собрал листы в стопку и выровнял их о край стола.

— Нашел? — Жуков даже не поднял головы от своей раскрытой папки, но пепел с его сигареты упал мимо пепельницы.

— Нашел, — ответил я, чувствуя, как внутри все стягивается в тугой узел. — Здесь нет ошибки в вычислениях. Все сошлось до миллиграмма. Но списания идут по искусственной прямой. Технологический отход подогнан под одну и ту же цифру, смена за сменой. Недостача не случайная, товарищ капитан. Она систематическая. Кто-то аккуратно раскладывает ее по строкам равными долями, чтобы не превышать контрольный порог автоматизированной системы учета.

Жуков медленно затушил окуроч в жестяной банке, поднял глаза и посмотрел на меня своим тяжелым, немигающим взглядом. В его лице не было ни удивления, ни триумфа. Только застарелая, глухая досада человека, чей диагноз подтвердился вскрытием.

— Молодец, Громов, — глухо произнес он. — Не зря я за тебя перед Зиминим поручился. Другой бы неделю искал перепутанные цифры в итоговой графе. А ты сразу в суть полез.

— Это была проверка? — спросил я, глядя на папку.

— Нет, Алексей. Это не проверка. Это настоящее оперативное дело. Просто до сегодняшнего дня у меня не было человека, способного доказать, что эти бумажки — липа, не вызывая при этом заводскую комиссию из министерства. Теперь такой человек есть. Ты.

Он придвинул папку к себе, положил на нее широкую ладонь с желтыми от табака ногтями.

— С этой минуты ты ведешь проверку складского хозяйства. Каждое движение фиксируешь на бумаге, но носишь только мне.

Я помолчал, разглядывая синие чернильные закорючки внизу накладных. Подписи были знакомыми до рези в глазах. Характерный размашистый росчерк с петлей на конце, короткая галочка с точкой.

— Кто подписывал эти акты, Виталий Леонидович? — спросил я, хотя уже знал ответ.

Жуков открыл журнал на первой странице и не спеша, с расстановкой зачитал:

— Мастер смены гидрометаллургического цеха Корнеев. Технолог участка сушки Рябинин. Старший кладовщик Толмачев. Утверждал начальник смены Белоглазов. Знакомые все лица?

Воздух в кабинете словно стал гуще. Сенья Корнеев пришел на завод в один год со мной, мы вместе обмывали его первую получку в заводской столовой, он одалживал мне дрель, когда я въезжал в новую квартиру. А Рябинин учил меня настраивать термопары на обжиговых печах, когда я еще студентом бегал по цеху с блокнотом.

— Знакомые, — выдавил я. Голос прозвучал хрипло. — Мы в одной курилке сидели.

Я посмотрел прямо в красные глаза капитана:

— Мне придется проверять своих?

Жуков даже не поморщился. Он оперся локтями о стол и подался вперед, так что я почувствовал горький табачный дух, ввевшийся в его одежду.

— Заруби себе на носу, Громов. С той секунды, как ты переступил порог этого управления, у тебя больше нет «своих». Твои остались за забором, на митингах с плакатами и в очередях за синей птицей. У опера своих не бывает. Есть только фигуранты, источники и свидетели. Если Корнеев таскает из цеха металл — он не твой товарищ по курилке. Он фигурант дела о хищении особо важных материалов в особо крупных размерах. Понял?

Я взял папку в руки. Серый картон охлаждал пальцы, словно кусок заводского свинца. Я промолчал. Отвечать было нечего, да капитан и не ждал от меня душевных излияний. Он знал эту тишину. Каждый, кто надевал эти невидимые погоны, проходил через эту ломку.

— С чего начнем? — Жуков снова откинулся на спинку стула, переходя на деловой, сухой тон.

— Нужно смотреть первичку, — сказал я, заставляя себя думать категориями схем и алгоритмов, а не воспоминаний о совместных сменах. — Кто физически подписывает списания на весах. В какие смены идет ровная линия. Если это система, в ней обязательно есть график дежурств. Должен быть человек, который сидит на контрольном приборе и вносит поправку в журнал поправок.

— Мысль верная, — кивнул капитан. — Где именно оседает разница?

— На промежуточных боксах металл не спрячешь, там дозиметрический контроль на каждом пандусе щелкает, — я прикинул в уме план завода, каждую эстакаду и тупик. — Сразу на железную дорогу не вывезешь — опломбированные вагоны идут под охраной караула. Значит, накопление идет внутри режимной зоны. Предлагаю начать со склада номер четыре. Туда свозят продукцию перед окончательной упаковкой в транспортные контейнеры. Там объем большой, учет ведется по валовому весу ящиков, а не поштучно. И замки там старые, ведомственные.

Жуков одобрительно хмыкнул, барабанил пальцами по столешнице.

— Четвертый склад... Толмачев там сидит безвылазно лет десять. Все ходы знает. Добро. Начнем с четвертого. Но слушай приказ: до поры до времени никому ни слова. Никаких рапортов через общую канцелярию. Начальнику первого отдела завода — дежурные улыбки, скажешь, что познакомишься с архивным фондом. Даже в нашем отделе языком не молоть. Зимин в курсе, Тургумбаев в курсе, я и ты. Больше об этой разработке не знает никто. Если хоть одна живая душа в цеху дернется или начнет подчищать ведомости — я буду знать, откуда потекло.

Он сделал паузу, вглядываясь в мое лицо так, будто искал в нем скрытую трещину в литье.

— Ты сам-то готов к такой работе, лейтенант? Не сломаешься на полпути?

Я посмотрел на лежащую перед ним стопку актов, скрепленных суровой нитью. Вспомнил пустые полки гастронома, желтый смог над Согрой, испуганные глаза Лены и черную «Волгу» Зимина на лесной поляне. Мир вокруг нас трещал по швам, люди теряли стыд и страх, продавая все, до чего могли дотянуться руки. И если мы не удержим эту последнюю плотину, грязь затопит всё.

— А вы готовы? — тихо спросил я. — Вы ведь их тоже знаете. Наверняка сами им допуски подписывали.

Жуков усмехнулся углом рта — жест получился горьким, как вкус бериллиевой пыли на заводском ветру.

— Вопросом на вопрос отвечаешь? По-еврейски, но для опера сойдет. Я свою черту перешагнул, когда ты еще в школе физику зубрил, Громов. Вопрос не во мне. Вопрос в тебе. Готов ли ты завтра пойти в родной цех и смотреть в глаза тем, с кем еще вчера хлеб делил, зная, что ведешь их под статью?

Я затянул тесемки на серой папке, завязал их на аккуратный узел и прижал картон ладошкой.

— Готов, товарищ капитан.

— Вот и добро, — Жуков поднялся из-за стола, — Забирай материалы в свой сейф. Ключ у дежурного под роспись. Начнешь завтра с восьми утра, с первой сменой. И помни: они думают, что ты все еще один из них. Пользуйся этим, пока есть время. Пошли. Кадры ждут.

Мы спустились на первый этаж. Коридор здесь был светлее, но холоднее. Стены украшали вымпелы и стенды с фотографиями отличников службы. Жизнь кипела, пока город стоял в очередях за продуктами.

Глава 4

Глава третья. Наш отдел

Мы остановились перед дверью с табличкой «Специальное отделение. Учет кадров». Майор Плетнев оказался полной противоположностью Зимину и генералу. Это был человек-функция. Лысый, круглолицый, и огромного роста. Он сидел за столом, заваленным стопками личных дел.

— Товарищ майор, старший лейтенант Громов для оформления личного дела, — отчеканил я. Плетнев даже не поднял головы. Он методично ставил печать на какой-то бланк.

— Садитесь, товарищ... э-э... стажер, — буркнул он, наконец взглянув на меня поверх очков. Взгляд был пустым, канцелярским. Так смотрят на инвентарный номер. Он открыл пухлую картонную папку. Моё личное дело.

— Значит, переманиваем кадры с производства? — хмыкнул он, обращаясь скорее к потолку, чем к нам. — Директор жаловался утром нашему начальнику. Говорит, лучших мастеров забираете, план горит.

— Жалоба отклонена, — отрезал Жуков. — Государственные интересы выше производственных показателей.

Плетнев невозмутимо кивнул. Достал чистый бланк анкеты спецучета размером с простыню.

— Фотографии три на четыре принесли?

Я похолодел. Про фотографии я забыл начисто. Дома, на зеркале в ванной, лежала последняя пачка.

— Никак нет, товарищ майор. Забыл впопыхах.

Плетнев вздохнул так тяжело, будто я лично подвел его под трибунал.

— Понятно. Вечно вы все забываете. Ладно, потом до сдадите через секретариат. Распишитесь здесь. Ознакомление со статьей 64 УК СССР (Измена Родине).

Ручка скрипнула по плохой бумаге.

— Здесь. Ознакомление с режимом секретности. Ответственность за утрату служебного удостоверения. Обязательство о неразглашении методов оперативной работы.

Каждая подпись ощущалась как гвоздь, заколачиваемый в крышку гроба моей прошлой жизни. Я подписывал отказ от себя самого.

— Допуск первой формы... Оперативный псевдоним пока не положен... Группа учета «А», — бормотал себе под нос Плетнев, шлепая печати одну за другой. Красные, фиолетовые, синие круги ложились на бумагу, навсегда фиксируя мой новый статус.

— Всё. Идите в санчасть. Вам сделают прививки от всего, чего можно, включая бешенство. Потом получите жетон-пропуск у дежурного. Без него вы даже сортир на заводе посетить не сможете, не то что склад ВОУ. Свободны.

Когда мы вышли в коридор, Жуков прислонился спиной к стене.

— Ну как тебе наш Карабас-Барабас? — спросил он меня, — Впечатляет?

— Бюрократ, — выдохнул я.

— Нет, Лёша, — серьезно сказал Жуков. — Плетнев, это бог. Пока он не поставит последнюю точку в формуляре, тебя официально не существует. Ты просто мужик в штатском, который незаконно проник в здание органов госбезопасности. Цени момент. Сегодня ты умер для гражданского мира, но еще не родился для чекистского. Между небом и землей. Святое чувство.

Санчасть встретила нас запахом карболки и йодоформа. Фельдшер, полная женщина в несвежем халате, молча воткнула мне иглу в предплечье. Противостолбнячная сыворотка обожгла руку огнем.

— Следующий, — бросила она, когда я попытался спросить про побочные эффекты.

После медкомиссии мы спустились в подвал, к дежурному по управлению. Молоденький прапорщик выдал мне тяжелый алюминиевый жетон-пропуск на цепочке.

Мы поднялись на этаж Жукова. Он сел за свой стол,

— Садись, стажер, — буркнул он, не поднимая глаз. — Поздравляю. Теперь ты официально существуешь. Плетнев поставил на тебя клеймо.

— Вы издеваетесь? — выдохнул я.

— Ничуть. Добро пожаловать в систему, Лёша.

Третий этаж был вотчиной нашего отдела. Никакой торжественности. Длинный коридор с рядами одинаковых дверей. Из-за них доносился стук пишущих машинок «Ятрань» и приглушенные голоса.

Дверь к Зимину отличалась от остальных: она была обита качественным черным винилом. Внутри кабинет казался огромным после наших каморок. Здесь стоял массивный стол для совещаний из полированного дуба, тяжелые шторы на окнах и качественный паркет. Это был уровень. Уровень человека, который решает вопросы.

Оперативники входили молча. Кто-то садился вдоль длинного стола, кто-то прислонялся к стене. Никакой субординации «смирно» — здесь сидели волки, которые знали цену своему времени. Но тишина стояла абсолютная. Вошел Жуков, кивнул мне на свободный стул в углу и сам встал у книжного шкафа, сложив руки на груди. Он был тенью.

Тишина стала плотной, как свинец. Я физически чувствовал напряжение этих людей. Каждый думал о своем объекте.

— Вопрос первый. Кадры. Представляю нового сотрудника. Старший лейтенант Громов Алексей Сергеевич. Назначен оперуполномоченным к нам в отдел. Объект обслуживания, УМЗ.

Зимин указал на меня рукой.

— Прошу любить и жаловать. Человек знает завод изнутри. Знает физику процесса. Ваша задача, помочь ему адаптироваться. Остальное поймет сам.

Я поднялся со стула. Чувствовал себя голым под прицелами одиннадцати пар глаз. Это были разные люди: красные лица работяг с северных рудников, интеллигентные очки математиков с приборостроительного, жесткие скулы оперативников старой закалки.

Первым нарушил молчание здоровяк. Он сидел развалившись,

— Сулов, — представился он басом. — Рад знакомству. Как там Метте? Еще не сбежал в министры?

— Пока держится, — ответил я сухо.

Сулов хмыкнул и одобрительно кивнул. Лед тронулся.

С другой стороны, поднялся худощавый майор в очках с тонкой оправой. От него пахло аптекой.

— Майор Лапшин. ТМК и конденсаторный. Добро пожаловать.

Остальные просто кивали, продолжая сверлить меня взглядами. Никто не улыбался. Это был клуб одиночек.

— Достаточно, — отрезал Зимин, заметив, что шепот перерастает в гул. — Вопрос второй. Текущая сводка...

Совещание перешло в рабочий режим. Зимин распределял задачи, кого-то ругал за плохие показатели, кому-то давал вводные. Меня оставили в покое. Я сел обратно на стул и стал слушать.

Это была моя новая семья. Двенадцать человек, каждый из которых охранял свой кусок империи. Титановую руду, золото, приборы. А теперь к ним добавили меня.

Когда через полчаса народ начал расходиться, хлопая папками, Зимин жестом подозвал меня к себе.

— Задержись.

Мы остались вдвоем: он, я и неподвижный Жуков у шкафа.

— Ну вот, — Зимин обошел стол и достал из сейфа бутылку коньяка и две рюмки. Поставил на стол. — Поздравляю с боевым крещением. Отдел специфический. Народ тяжелый. Сулов, медведь, нюх звериный. Лапшин, педант, видит микронную трещину. Есть еще контингент. Привыкнут. Главное, не верь никому на слово. Понял?

— Так точно.

— Держи, — он плеснул темно-янтарной жидкости. — За знакомство. Значит так, Виталья. Принимай стажера. С сегодняшнего дня он твой крест.

Жуков едва заметно дернул уголком рта. Это была его версия улыбки.

— Понял, Александр Александрович. Кормить чем?

— Своим опытом корми, — отрезал Зимин. — Но без лишней лирики. У него голова забита инженерной пылью, ему нужно выбить её оперативной реальностью.

Зимин посмотрел прямо на меня. Взгляд был тяжелым, оценивающим.

— Твоя первая задача, Громов, звучит просто: изучать. Ты думаешь, что знаешь завод? Ты знал цех. А теперь тебе предстоит узнать систему. Законы, по которым живет Контора, сильно отличаются от законов физики. Там было $F=ma$, здесь, статья 64 УК СССР и инструкция №0015.

Он открыл сейф, достал оттуда стопку стандартных картонных папок с надписью: «Для служебного пользования» и грифом «Секретно».

— Держи, — Зимин толкнул стопку ко мне. — Учебный минимум. До конца недели Жукова будешь видеть реже, чем эти бумаги. Читать запоем. Вникать до буквы. Вопросы задашь Старому, если выживешь после прочтения.

Листы, в папках, были тонкими, пожелтевшими от времени. Бумага казалась живой, она пахла страхом и ответственностью тысяч людей, которые держали её в руках до меня.

— Первое правило, — Зимин наставил на меня карандаш, как указку. — То, что лежит в этих папках, существует только здесь. Домой ничего не носишь. Даже если прикажут вынести мусор, читаешь здесь. Ясно?

— Так точно, товарищ подполковник.

— Не ори, мы не в строю, — поморщился Зимин. — Просто запомни. Второе. Завтра в девять ноль-ноль идешь в кадры. Майора Плетнев выдаст тебе учебную литературу для сдачи зачета. Выучишь всё назубок. Опросит он тебя лично.

Зимин перевел взгляд на Жукова.

— Теперь план стажировки, Виталья. Слушай вводные.

Жуков наконец оттолкнулся от шкафа и подошел к столу. Он стоял, нависая над Зиминим, словно скала.

— Во-первых, — Зимин начал загибать пальцы, — физику процесса оставь инженеру. Громову нужно понять психологию объекта. Первые три дня, пеший обход периметра. От забора до забора. Пусть считает шаги между вышками ВОХР. Пусть знает запах каждого сортира на территории. Я хочу знать время реакции смены охраны до секунды.

— Сделаем, — кивнул Жуков.

— Во-вторых, агентура. Ему нельзя давать выход на серьезных людей сразу. Загонит дело. Дай ему двух-трех, из числа местных алкашей-наводчиков. Пусть учится писать рапорты. Пусть поймет, как воняет ложь в официальном документе. Проверь первые пять его справок лично. Если найду там литературщину, бить буду обоих.

— Есть, — равнодушно бросил Жуков.

— В-третьих, документооборот. Посади его на входящую почту отдела. Пусть научится отличать реальную угрозу от истерики.

Зимин откинулся на спинку кресла. Разговор его утомил.

— Всё. Детальный план стажировки представишь мне на утверждение завтра к обеду. Лично. Без воды. Только сроки и фамилии ответственных. Свободны.

Жуков молча кивнул, взял со стола стопку секретных папок и подтолкнул их ко мне.

— Пошли, инженер. Засиделись. Нас ждет увлекательный мир канцелярской пыли.

«Волга» высадила нас у неприметной калитки ведомственного въезда, которой пользовались только ВОХР и снабженцы. Жуков шел быстро, сунув руки глубоко в карманы плаща. Он не смотрел на цеха, он смотрел под ноги и по сторонам.

— Запоминай процесс, — бросил он, когда мы проходили мимо дымящей трубы газоочистки. — Видишь, как пар стелется? Низко. Значит, ветер северный. Если кто-то будет резать сетку вон в том секторе, звук понесет прямо на пост номер четыре. А там спит дядя Коля. Значит, можно работать.

Он учил меня видеть невидимое. Для него завод был не местом созидания, а гигантским механизмом хищения.

— Смотри на людей, Лёша, — Жуков остановился возле курилки, где грелись рабочие. — Инженер видит станок. Опер видит карман рабочего. Куда он тянется, когда начальник смены отворачивается? За пазуху? Там деталь. Или к фляжке? Там страх. Страх ворует чаще, чем жадность.

Мы дошли до Четвертого склада. Свинцовые контейнеры лежали в строгой геометрии сетки.

— Вот оно, сердце, — тихо сказал Жуков. — Шестьсот килограммов Мир держится на честном слове.

— И на заборе, — добавил я.

— Забор — это для дураков, — усмехнулся капитан. — Настоящий периметр здесь, он постукал пальцем по моему лбу. — И здесь, люди, вот дыра в безопасности. Понял задачу?

— Изучить личный состав.

— Верно. Начни с кладовщиков. Они знают все щели. Угости их сигаретами, послушай жалобы на жизнь. Только рот свой держи закрытым. Ты теперь никто. Ты моя тень.

Обед мы пропустили. Я перехватил кусок хлеба с колбасой прямо в машине. Когда мы вернулись в управление, голова раскалывалась от шума станков и запаха железа. Но рабочий день продолжался. Вторая половина марлезонского балета, канцелярский ад.

На моем столе уже лежала гора бумаг.

— Садись, — скомандовал Жуков, сам плюхаясь в кресло, напротив. — Ноги вверх. Десять минут тишины. Потом берешь ручку.

Он достал из сейфа мой учебный минимум, ту самую стопку секретных приказов.

— Правило первое, — наставительно произнес он, закуривая. — Контора работает на бумаге. Всё, что не написано пером, того не существует. Если ты дал агенту деньги, напиши рапорт. Если увидел дырку в заборе, напиши ориентировку.

Он толкнул ко мне чистый бланк.

— Справка. Внутренняя. На имя подполковника Зимина. Тема: «Анализ уязвимости вентиляционной системы объекта "Почтовый"». Срок, вчера. Объем, три страницы. Время пошло.

Это была пытка. Я привык чертить схемы теплообменников, где дважды два всегда четыре. Здесь же нужно было писать языком партийных лозунгов, скрывая отсутствие фактов за массой слов. «...считаю целесообразным усилить наблюдение за участком коллектора ввиду возможного несанкционированного проникновения...»

— Нет, — Жуков выхватил лист у меня из-под носа. — Что за бред сивой кобылы? «Целесообразно», «данный», «вышеуказанный» ... Ты русским языком владеешь? Пиши просто: «Дыра есть. Закрывать нечем. Нужен сварщик и наряд милиции». Читай инструкцию 00125, пункт четвертый. Там образец. Переделывай.

До вечера я писал справки. Переписывал анкеты доверенных лиц. Руки ныли от ручки, глаза слезились от мелкого шрифта.

Когда стрелки часов показали половину шестого, Жуков сгреб мои писанины в ящик стола. Достал бутылку кефира и два стакана. Разлил.

— Ну что, студент. День прошел не зря. Завтра будешь писать то же самое, но про канализацию. А сейчас главный урок.

Он откинулся на спинку. Стал серьезным. Исчезла маска шута.

— Как изучать людей, Лёша? — спросил он тихо. — Ты смотришь на них как инженер. Оцениваешь КПД. Это ошибка. Человек, существо иррациональное. Им движет зависть, похоть и обида.

— Где искать информацию? — спросил я, чувствуя, как мозги наконец начинают переключаться на нужный лад.

— Везде, — улыбнулся Жуков. — Информация лежит на поверхности. Лучший источник, обиженный заместитель. Второй секретарь горкома знает больше первого, потому что первый его шпыняет. Жена директора мясокомбината расскажет тебе схему хищений, пока делает маникюр, просто чтобы насолить мужу.

— Как вербовать? — это слово звучало из моих уст чуждо.

— Вербовка, это не покупка души за доллары, — отрезал Жуков. — Это поиск общей боли. Найди у человека проблему, которую можешь решить. У кладовщика Михалыча дочь поступает в мединститут, а мест нет. Ты звонишь другу-врачу. Всё. Михалыч твой. Навсегда. Это называется «оперативная заинтересованность».

— А если он идейный?

— Идейных давно расстреляли, — жестко сказал капитан. — Остались те, кому хочется кушать. И те, кого обидели. Бери обиженного. Он сделает работу чище и злее.

Жуков подался вперед, упершись локтями в стол. Голос стал ниже, доверительнее:

— Главное оружие Конторы, это информация. Не пистолеты, не корочки, не связи в Москве. Информация. И получать её надо везде. Всегда. Даже когда ты просто стоишь в очереди за пивом или сидишь в курилке с работягами.

— Но я думал... агентура... внедрение...

— Агентура, это десерт, — отрезал капитан. — А основное блюдо, это сплетня. Слух. Ошибка в слове. Научись слушать тишину между словами. Вот тебе вводная по вербовке среды. Твой объект, дядя Коля, ВОХРовец со склада №4. Алкоголик, семьянин, ненавидит начальника цеха. Что ты делаешь?

— Даю задание следить за периметром?

— Нет! — Жуков стукнул костяшками пальцев по столу. — Ты идешь к нему в каптерку. Сидишь. Молчишь пять минут. Ждешь, пока он сам начнет жаловаться на жизнь, на жену. Ты должен уметь поддерживать разговор, о чем угодно: о погоде, о рыбалке, о том, что колбаса подорожала. Стань для него своим. Пустым сосудом, который только слушает.

— Зачем? Я же могу просто спросить про склад.

— Спросить можно у трупа, — жестко сказал Жуков. — Живой человек соврет тому, кто спрашивает прямо. Но он никогда не соврет самому себе. Когда мужик жалуется на жизнь, он проговаривается обо всем. Услышал фразу: «Начальник вчера опять до ночи сидел, свет в четвертом цехе горел», информация. Зафиксировал. Почему горел? Кто там был?

— Постоянно анализировать, — понял я.

— Именно, — кивнул Жуков. — Контора работает 24 часа в сутки, даже когда мы спим. Потому что где-то в кабаке сидит наш источник и треплется языком. Или секретарша директора выбрасывает корзину с мусором, а там черновик приказа. Мы должны собирать эти крошки. Каждую секунду.

Жуков вернулся за стол. Лицо снова стало жестким, деловым.

— Понял задачу? Информационное поле. Ты должен быть пылесосом. Засасывать всё: разговоры в столовой, график дежурств, слухи о премиях. Принес мне пустую справку, получишь «наряд» вне очереди. Принес слух о том, что кладовщик Михалыч плакал сегодня после звонка дочери, молодец. Из этого слуха родится вербовка. Из справки родится только геморрой.

За окном окончательно стемнело. Город зажигал свои тусклые желтые огни. Смог висел так низко, что казалось, можно коснуться его рукой.

— На сегодня всё, — Жуков встал, хрустнув суставами. Он выглядел выжатым лимоном.

— Свободен.

— А вы? — спросил я.

— Домой поеду, — устало буркнул капитан. — Мне еще завтра с утра план твоих попыток Зимину на подпись нести, и так уже просрочил. Спать хочу так, что стоя усну. Но... — он прищурился, — если ночью зазвонит телефон по «красной линии», значит, где-то полыхнуло. Тогда бери такси и гони сюда.

Я кивнул. Понял. Контора, это не монастырь. Мы живем дома, пока система стабильна. Ночевка здесь, это уже война.

Ключ повернулся в замке почти беззвучно. Я старался не шуметь, скидывая ботинки, которые весили тонну.

Из комнаты вышла Елена. Она замерла в дверях кухни, скрестив руки на груди. На ней был тот же халат, что и утром, но лицо осунулось. Она ждала меня к шести. Сейчас была половина девятого.

— Задержали? — спросила она тихо. Без упрека, констатируя факт.

— Объект обходили, — хрипло ответил я, проходя в ванную. — Потом бумаги писал.

Она ничего не сказала. Просто подошла сзади, когда я мыл руки ледяной водой. Положила ладони мне на плечи. От её рук шло тепло живого человека, запах чистоты и лаванды. Контраст с казенной пылью управления был таким сильным, что меня затрясло.

— Есть хочешь? — спросила она. — Картошка остыла.

— Хочу, — выдохнул я. — Господи, как же я хочу есть.

Мы сидели на кухне. Я ел молча, запивая еду холодным чаем. Лена села напротив, подперев щеку рукой, и смотрела на меня. Не как жена, а как врач смотрит на больного.

— Тебя там меняют, Леша, — вдруг сказала она очень тихо. — Я смотрю на тебя и вижу чужого. Ты даже ешь теперь... аккуратно. Чтобы крошки не упали.

Я отложил вилку. Ком встал в горле. Она била точно в цель. Правило №1 оперативного работника: оставлять работу за порогом. Но куда деть этот взгляд? Взгляд опера, который видит уязвимости даже в трещинах на потолке собственной кухни.

— Это работа, Лен, — выдавил я.

— Нет, — она качнула головой. — Работа, это то, что заканчивается в пять вечера. А это... это болото. Оно затягивает. Обещай мне одну вещь.

— Что угодно.

— Если ты начнешь получать от этого удовольствие, мы уедем. К черту на рога. Продадим квартиру, бросим всё. Но я не позволю этому месту сожрать моего мужа.

В соседней комнате заплакала проснувшаяся Аня. Лена мгновенно встрепенулась, сбросив всю серьезность, и метнулась к дочке. Обычная мать.

Я остался один. За стеной плакал мой ребенок, в раковине лежала грязная тарелка, а на вешалке висел пиджак, в кармане которого лежал тяжелый алюминиевый жетон.